

М 79
193

801-13
1807

ВОПРОСЫ КОЛОНИЗАЦІИ.

ПЕРІОДИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ

подъ редакціей

Г. Ф. Чиркина и Н. А. Гаврилова.

Цѣна 2 р. 50 к.

№ 9.

1911 г.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ

С.-Петербургскій книжный магазинъ „Учебное Дѣло“.

СПБ. Петербургская стор., Большой пр., д. 6.

113

Условія колонизаціи Семирѣчья.

За Семирѣчьемъ, еще со времени катастрофы 1887 г., когда былъ разрушенъ г. Вѣрный и погибли сотни людей, установилась слава страны землетрясеній. Эту славу упрочилъ минувшій 1910 г., когда землетрясеніе въ Тянь-Шанѣ опять приняло катастрофическій характеръ. На ряду съ землетрясеніями нѣкоторую популярность Семирѣчью придали послѣднія недоразумѣнія съ Китаемъ, хотя едва ли многіе знаютъ, что „Илійская провинція“, „Кульджа“ это—непосредственное „продолженіе“ Семирѣчья. Но и въ лучшемъ случаѣ, свѣдѣнія русскаго общества о Семирѣчѣ ограничиваются тѣмъ, что это область, пограничная съ Китаемъ, и что въ ней „трясетъ“. И когда приходится читать газетныя сообщенія объ этомъ краѣ, полныя самыхъ неожиданныхъ географическихъ открытій, то поражаешься нашему невѣжеству, нашему незнакомству съ собственной страной.

Между тѣмъ Семирѣченская область, равная по площади своей (не менѣе 353.000 кв. верстъ) приличному западно-европейскому государству, таитъ въ себѣ большія производительныя силы, дать выходъ которымъ тѣмъ болѣе важно, что здѣсь на протяженіи болѣе 1000 верстъ мы сталкиваемся съ желтымъ сосѣдомъ, начавшееся національное пробужденіе котораго можетъ быть для насъ чревато весьма грозными послѣдствіями. И, казалось бы, почти полстолѣтія, протекашаго съ тѣхъ поръ, какъ мы владѣемъ этимъ краемъ въ его нынѣшнихъ границахъ, достаточно, чтобы не только основательно изучить его; но и примѣнить на практикѣ, къ дѣлу его устроенія, добытыя знанія.

Вышеизложеннымъ я не хочу сказать, что Семирѣчье совсѣмъ не извѣстно. Его посѣтили многіе изслѣдователи,—назовемъ хотя бы П. П. Семенова-Тяньшаньскаго, Пржеваль-

скаго, Краснова, Мушкетова, Сапожникова. Названные лица и другие дали географическая и естественно-историческая описания отдельных частей Семиречья. Но эти труды остаются достоянием специалистов и не доступны широкой публике. Наконец, Семиречье—„область“, имѣющая соответствующую администрацию, во главе которой стоит военный губернаторъ. Стало быть, ежегодно составляются и, частью, публикуются отчеты и „статистика“, какъ и по другимъ областямъ и губерниямъ Россійской Имперіи. Но и эти свѣдѣнія постигаетъ участь, аналогичная участи ученыхъ трудовъ о Семиречьи: они остаются въ нѣдрахъ канцелярій и читаются только тѣми немногими, кому ихъ надлежитъ читать по долгу службы.

Изъ рядовъ мѣстной администрации встрѣчались и встрѣчаются „патріоты“ Семиречья, старавшіеся пробудить къ нему интересъ—изъ нихъ заслуженной популярностью пользуется имя генерала Колпаковского,—но почти непреодолимымъ для нихъ препятствіемъ являлась та неосвѣдомленность о краѣ, о которой сказано выше. Возьмите, хотя бы, вопросъ о проведеніи черезъ Семиречье желѣзной дороги. Возникъ онъ еще 12 лѣтъ назадъ, при проѣздѣ черезъ область князя Хилкова, и съ тѣхъ поръ хлопоты о дорогѣ мѣстныхъ людей не прекращались, но и теперь въ сужденіяхъ о семиреченской дорогѣ столь же много неопредѣленного и туманнаго, какъ это было и 10 лѣтъ назадъ.

Другія окраины стали ареной крупныхъ событій, и изъ нихъ прежде всего—Дальній Востокъ; естественно, поэтому, что Семиречье не привлекало вниманія ни правительства, ни общества. Семиречье оказалось въ сторонѣ отъ мировыхъ путей, внѣ событій, и было забыто. Я не скажу, что сюда надо было отвлечь вниманіе и силы съ другихъ окраинъ. Но еще ошибочнѣе считать Семиречье *quantitée negligeeable* въ смыслѣ русскихъ интересовъ на азіатской окраинѣ. Эта страна представляетъ широкое поле для русской колонизаціи, и было бы обидно, если бы и въ данномъ случаѣ „мужикъ перекрестился“ уже послѣ того, какъ грянетъ громъ.

Въ послѣдніе годы въ Семиречьи развивается дѣятельность мѣстной организаціи Переселенческаго Управленія, и это

даетъ надежду, что въ широкіе круги проникнетъ освѣдомленность объ этомъ краѣ и что развитію производительныхъ силъ его, на ряду съ русской колонизаціей, будетъ удѣлено надлежащее вниманіе.

Съ 1909 г. Переселенческимъ Управленіемъ предпринято сплошное хозяйственно-статистическое и естественно-историческое изслѣдованіе Семиреченской области. Пишущему эти строки выпала честь завѣдывать этимъ изслѣдованіемъ. Отсылая интересующихся деталями къ издаваемымъ, на основаніи этого изслѣдованія, матеріаламъ*), ниже я постараюсь обрисовать общія условія колонизаціи Семиречья, заранѣе предупреждая читателей, что исчерпать этотъ вопросъ въ одной статьѣ невозможно и что, быть можетъ, къ нему придется еще не разъ возвращаться.

Семиреченская область граничитъ на востокъ и югъ съ Китайской Имперіей, на юго-западѣ—съ Ферганской областью, на западѣ—съ Сырь-Дарьинской, на сѣверо-западѣ, сѣверѣ и сѣверо-востокѣ—съ Семипалатинской. Естественной границей области служить на югъ, на протяженіи болѣе 600 верстъ, центральный Тянь-Шань, на сѣверѣ—озеро Балхашъ, протянувшееся на 800 верстъ. Разстояніе между Тянь-Шанемъ и Балхашемъ—500—700 верстъ, и въ это пространство укладываются, съ юга на сѣверъ, 4 уѣзда: Пржевальскій, Джаркентскій, Копальскій и Вѣрненскій. Остальные 2 уѣзда выходятъ за эти границы: на западѣ Пишпекскій и на востокъ Лепсинскій, доходящій до Тарбагатайскихъ горъ, принадлежащихъ уже къ Алтайской горной системѣ. Въ общемъ, фигура области вытянута съ юго-запада на сѣверо-востокъ, отъ Ферганскаго хребта Тяньшаньской системы до Тарбагатайскаго—Алтайской, приблизительно на 1000 верстъ; при чемъ восточный конецъ—узкій, а западный, также какъ центральная часть,—широкій.

*) Томъ I „Матеріаловъ по обследованію туземнаго и русскаго старожильческаго хозяйства и землепользованія въ Семиреченской области“, Лепсинскій уѣздъ, вышелъ изъ печати въ началѣ 1911 г.; томъ III, Джаркентскій уѣздъ, началъ печатаніемъ, томъ II, Копальскій уѣздъ заканчивается подготовкой къ печати.

Южная часть области, включающая въ себя Джаркентскій и Пржевальскій уѣзды, значительную часть Пишпекскаго и части Вѣрненскаго, Копальскаго и Лепсинскаго, заполнена хребтами и отрогами Тянь-Шаня. Въ юго-восточномъ углу, на границѣ съ Китаемъ, находится высочайшій въ Тянь-Шанѣ горный узелъ, Хань-Тенгри, имѣющій болѣе 7 верстъ высоты надъ уровнемъ моря. Отъ Хань-Тенгри, по Семирѣченской области расходятся горные хребты, понижаясь къ западу и сѣверу.

Хребты и горныя плато разсѣчены ключами, рѣчками и рѣками, образующими своимъ сліяніемъ нѣсколько водныхъ системъ. Самая значительная изъ нихъ система рѣки Или, вытекающей изъ китайскихъ предѣловъ и впадающей въ оз. Балхашъ. Илійская долина отдѣляетъ Джунгарскій или Семирѣченскій Алатау отъ Заилійскаго Алатау. Параллельно послѣднему на югѣ тянется хребетъ Кунгей-Тау, который отдѣляется на югѣ отъ идущихъ еще южнѣе хребтовъ бассейномъ значительнаго озера Иссыкъ-Куль, (болѣе 200 верстъ длины и до 50 верстъ ширины), лежащаго на высотѣ болѣе 1 версты среди покрытыхъ вѣчными снѣгами горъ. Западнѣе долина р. Чу, образовавшейся сліяніемъ нѣсколькихъ горныхъ рѣчекъ и имѣющей протокъ (Куте-малды) въ Иссыкъ-Куль, отдѣляетъ отъ Заилійскаго Алатау Александровскій хребетъ, уходящій уже въ Сыръ-Дарьинскую область.

Какъ велика эта горная страна можно судить по тому, что параллельно почтовой дорогѣ, пересекающей область съ запада на востокъ, горы тянутся почти непрерывной цѣпью на протяженіи около 800 верстъ; а съ сѣвера на югъ нужно сдѣлать 200—300 верстъ по горамъ, чтобы выѣхать за предѣлы области. Вершины горъ переходятъ линію вѣчныхъ снѣговъ и увѣнчаны ледниками, которые тянутся иногда сплошными массами на десятки верстъ. Не говоря уже объ исполинскомъ Хань-Тенгри, здѣсь много пиковъ, превышающихъ 5 верстъ, т. е. высоту Монь-Блана, Эльборуса и Казбека.

На сѣверъ отъ Александровскаго хребта, Заилійскаго и Джунгарскаго Алатау тянутся степи до самаго Балхаша, а за этимъ озеромъ они сливаются со степями западной Си-

бири. Однообразіе этой равнинной части области лишь изрѣдка прерывается грядами невысокихъ сопокъ и бархановъ (подвижныхъ песчаныхъ холмовъ). Орошены эти степи слабо. Наиболѣе значительными водоемами являются прѣсныя озера Алакуль, Сасыкъ-куль и Балхашъ, тянущіяся цѣпью съ юго-востока на сѣверо-западъ. Начало этой цѣпи лежитъ въ китайскихъ предѣлахъ: озера Лобъ-норъ и Эби-норъ, повидимому когда-то составляли съ перечисленными выше одинъ водный бассейнъ. Въ эти озера впадаютъ рѣки, берущія начало на сѣверѣ въ Акчатавскихъ горахъ и Тарбагатаѣ (Алтайская система) и на югѣ въ Алатау (Тяньшаньская система). Впрочемъ, часть рѣкъ не доходитъ до озеръ и теряется въ грунтъ. Ниже мы называемъ только болѣе значительныя рѣки. Въ Алакуль впадаютъ Эмель, Хатынь-су и Урджаръ, всѣ три—съ Тарбагатая. Въ Сасыкъ-куль впадаетъ Тентекъ съ Джунгарскаго Алатау. Въ Балхашъ впадаютъ: Аягузь съ Тарбагатая, Лепса, Аксу, Кара-талъ съ Алатау и упомянутая уже выше Или. Что касается также уже названной р. Чу, то она принадлежитъ къ бассейну Сыръ-Дарьи и Аральскаго моря, но не доходитъ ни до той, ни до другого, теряясь въ пескахъ.

Если къ сказанному о рельефѣ области и ея орошеніи добавить, что предѣлами ея служатъ 40°30' и 48°40' сѣверной широты и 42°30' и 52°40' восточной долготы отъ Пулковскаго меридіана, то мы будемъ имѣть всѣ предпосылки для сужденія о ея климатѣ, почвахъ и растительности. Большая часть области лежитъ въ широтахъ Закавказья, и только сѣверныя части ея находятся на одной параллели съ сѣвернымъ побережьемъ Чернаго моря (Крымъ). Но по естественно-историческимъ условіямъ Семирѣчье рѣзко отличается отъ вышеназванныхъ мѣстностей. Разница зависитъ не только отъ значительно болѣе восточнаго положенія Семирѣченской области, но и отъ рельефа. Высота мѣстности въ Семирѣчьи опредѣляетъ собой и почвенный покровъ, и орошеніе, и климатъ, и растительность.

Вершины горныхъ хребтовъ, начиная съ высоты 10.000—13.000 футовъ, въ зависимости отъ широты, покрыты *вѣчными снѣгами и ледниками*. Въ этой зонѣ постоянныхъ морозовъ и тумановъ растутъ по скаламъ только мхи и лишай,

ютятся орлы да забѣгаютъ маралы (олени), тау-текэ (горные козлы) и архары (горные бараны).

Непосредственно ниже зоны ледниковъ лежитъ *зона альпійскихъ луговъ*, спускающихся до 6.000—10.000 футовъ высоты. Горныя плато и сырты этой зоны покрыты черноземновидными, луговыми почвами, часто влажными и заболоченными. Здѣсь въ избыткѣ выпадаютъ атмосферные осадки въ видѣ дождя и снѣга. Вода, просачиваясь въ почву, скоро встрѣчаетъ малопроницаемая кристаллическія горныя породы, составляющія ядро сыртовъ, застаивается въ углубленіяхъ, заболачиваетъ почву и выходитъ на ея поверхность въ видѣ безчисленнаго множества ключей и родниковъ, скатывающихся по ущельямъ внизъ. Помимо атмосферныхъ осадковъ сильно увлажняютъ почвы этой зоны ключи и рѣчки, вытекающія изъ выше-лежащихъ ледниковъ. Климатъ зоны альпійскихъ луговъ влажный и холодный; въ маѣ, а въ болѣе высокыхъ мѣстахъ и въ іюнѣ, не рѣдкость снѣгъ, составляющій въ концѣ августа—началѣ сентября уже обычное здѣсь явленіе; среди короткаго лѣта часто цѣлыми днями не сходятъ туманы и льютъ дожди.

Древесной растительности здѣсь нѣтъ, если не считать ползучихъ кустовъ можжевельника и карликовой березки; травяная же—представлена низкорослыми, но сочными видами альпійской флоры, густо покрывающими почву. По климатическимъ условіямъ, земледѣліе едва-ли возможно въ этой зонѣ. Правда, ячмень даетъ прекрасные урожаи и подѣ полярнымъ кругомъ, далеко на сѣверъ проникаетъ также и яровая рожь, но условія полярнаго лѣта, конечно, не тѣ, что на высокогорныхъ плато 40-выхъ параллелей. Укажемъ, хотя-бы, на весьма частое выпаденіе здѣсь крупнаго града. Даже сѣнокошеніе въ зонѣ альпійскихъ луговъ почти невозможно, вслѣдствіе низкорослости травъ. Помимо этихъ естественныхъ условій, хозяйственное значеніе этой зоны опредѣляется ея мѣстоположеніемъ на горахъ, достигающихъ высоты 2—4 версты, куда ведутъ только горныя тропинки, трудно проходимыя даже для привычныхъ туземцевъ. Послѣдніе и используютъ альпійскіе луга Семирѣчья, какъ „джайляу“, т. е. лѣтнія

пастбища, на которыхъ они проводятъ со своимъ скотомъ 2—3 лѣтнихъ мѣсяца.

Плато и сырты альпійской зоны изрѣзаны ущельями, по дну которыхъ катятся ледниковыя и ключевыя воды, а склоны мѣстами покрыты хвойными деревьями.

Здѣсь мы вступаемъ въ зону хвойныхъ лѣсовъ. Границы ея колеблются: нижняя—отъ 4.000 до 8.000 футовъ, верхняя—отъ 6.000 до 10.000 футовъ высоты. Колебанія зависятъ отъ широты, на которой находится хребетъ, и отъ затѣненности склоновъ,—на сѣверныхъ склонахъ хвойные лѣса спускаются ниже, чѣмъ на южныхъ, но на послѣднихъ зато они выше поднимаются. Вообще же южные склоны по большей части лишены растительности. Хвойные лѣса, состоящіе изъ ели и, частью, пихты—попадаетъ только въ восточной части Джунгарскаго Алатау и на Тарбагатаѣ—съ подлѣскомъ изъ можжевельника—арчи, покрываютъ склоны горъ не сплошь, а рощами. Болѣе сплошные и густые лѣса встрѣчаются на хребтахъ Тань-Шаня въ южной части области и въ истокахъ р. Кокъ-су въ глубинѣ Джунгарскаго Алатау. Большею же частью склоны горъ обнажены отъ лѣса, что объясняется слишкомъ большою сухостью воздуха и недостаточностью подпочвенной влаги. Обыкновенно, только подѣ ледниками наблюдается правильная смѣна зоны альпійскихъ луговъ зоной хвойныхъ лѣсовъ, которая ниже переходитъ въ *зону лиственныхъ лѣсовъ*, горы же, не увѣнчанныя вѣчными снѣгами лишены древесной растительности.

Лиственные лѣса, верхняя граница которыхъ совпадаетъ съ нижней границей хвойныхъ лѣсовъ, низводитъ уже насъ въ поясъ предгорій, понижающійся до 2.000 футовъ надъ уровнемъ моря. Это—зона съ наиболѣе благоприятными естественными условіями для культуры. Почвы здѣсь—черноземы и темно-каштановые суглинки, принимающіе болѣе свѣтлую окраску лишь внизу, по мѣрѣ приближенія къ равнинѣ. Здѣсь, особенно въ болѣе высоко-лежащихъ мѣстностяхъ, выпадаетъ и лѣтомъ достаточно атмосферныхъ осадковъ, чтобы дать хорошо развиться древесной и травяной растительности. Почва увлажняется также протекающими здѣсь съ вышележащихъ горъ рѣчками и ручьями. Яблоня, урюкъ

(дикий абрикось), алыча, береза, рябина, черемуха, боярышник, мѣстами, карагачъ (*ulmus Turcestanica*), клень, ясень, тополь, фисташка (*Pistacia vera*), ива—разбросаны купами, рощами и отдѣльными экземплярами по болѣе затѣненнымъ склонамъ и логамъ этой зоны. Подлѣскомъ этимъ древеснымъ породамъ служатъ кусты барбариса, крушины, жимолости, шиповника, смородины красной и черной, малины, крыжовника, изрѣдка, дикаго миндаля, и мн. др. кустарниковыхъ видовъ. Травяной покровъ здѣсь роскошенъ. Преобладаетъ „разнотравье“ изъ зонтичныхъ, бобовыхъ, крупнолистныхъ и злаковъ, по болѣе же сухимъ скатамъ растутъ кипецъ и ковыль, свойственные горно-степной зонѣ.

Въ этой зонѣ предгорій—лучшіе покосы; тучныя почвы даютъ также богатые урожаи зерновыхъ хлѣбовъ, которые здѣсь, въ болѣе высокыхъ мѣстахъ, не нуждаются въ искусственномъ орошеніи. Это—полоса такъ называемой богары, наиболѣе подходящая по условіямъ земледѣльской культуры къ южно-русскимъ степямъ и сѣверному Кавказу и потому излюбленная русскими переселенцами. Но и туземцы очень цѣнятъ земли этой зоны, и здѣсь расположены въ большомъ количествѣ ихъ зимовки, покосы и, частью, пашни.

Еще ступеню ниже мы спускаемся уже въ равнину. Подгорная ея полоса покрыта частью лессами, изъ которыхъ сложены также холмы предгорій, частью суглинками, свѣтлокаштановыми и свѣтло-бурыми. Здѣсь мы уже вступаемъ въ полынныя степи, но такъ какъ падающія съ горъ рѣки даютъ количество воды, достаточное для орошенія не особенно удаленныхъ отъ горъ полей, то эта зона издавна также была культурной. Здѣсь, по рѣкамъ и выведеннымъ изъ нихъ арыкамъ, расположены многія поселенія, поливныя пашни, „клеверники“ (посѣвы люцерны) и луговые покосы туземцевъ и русскихъ переселенцевъ. Древесная растительность встрѣчается въ этой зонѣ только въ видѣ искусственныхъ насажденій карагача, тополя, тала и фруктовыхъ деревьевъ, ростъ которыхъ поддерживается орошеніемъ изъ арыковъ. Лѣтній зной уже къ срединѣ мая выжигаетъ растительность, степь приобретаетъ безжизненную бурю окра-

ску, и только тамъ, гдѣ журчитъ вода въ арыкѣ, взоръ отдыхаетъ на зелени садовъ и люцерны и на волнахъ тучныхъ колосьевъ хлѣба.

Далѣе отъ горъ, вглубь степей, начинаются солончаковыя и песчаная полу-пустыни, почти лишенная воды. Сюда доходятъ лишь наиболѣе крупныя рѣки, но и онѣ часто не имѣютъ силы пробиться къ своему естественному устью и теряются въ пескахъ. Рѣки прорѣзаютъ въ степяхъ глубокія русла и потому вліяніе ихъ на орошеніе береговъ здѣсь очень ограничено.

Въ неширокихъ „тугаяхъ“ (разливахъ) рѣкъ растутъ тополь, ива, таль, туранга (*Populus diversifolia*); попадаются небольшія площади луговыхъ сѣнокосовъ; низкіе же, заболоченные берега рѣкъ, также какъ и озеръ, покрыты непроходимыми зарослями тростника, достигающаго высоты нѣсколькихъ саженъ. Въ тростникахъ ютятся дикія свиньи, а мѣстами—лошади и тигры. Но въ этихъ степяхъ, какъ только вы подниметесь изъ каніона рѣки и выйдете за предѣлы ея поймы, вы—въ песчаной или солончаковой пустынѣ, покрытой рѣдкими кустарниками карагана, таволги, эфедры, полыню, „ибелеками“ и др. грубыми травами; однообразіе этого скуднаго покрова степей нарушаютъ только попадающія заросли высокаго „чія“ (трава) да саксауловые рощи и кусты, встрѣчающіеся по песчанымъ берегамъ озеръ и рѣкъ.

Зелень въ песчаныхъ и солонцеватыхъ степяхъ держится только ранней весной, когда земля увлажнена снѣговой водой, и поздней осенью, если перепадаютъ дожди. Въ эти періоды года туземцы и пасутъ здѣсь свой скотъ, оставляя, впрочемъ, его часто и на зиму: зима здѣсь малоснѣжная и несуровая, и даже овцы и др. мелкій скотъ легко себѣ находятъ зимой подножный кормъ.

Очерченная выше зоны свойственны всей Семирѣченской области, но, конечно, было бы ошибочно представлять себѣ, что эти зоны правильно располагаются сплошными террасами одна подъ другой съ юга, отъ ледниковъ Тянь-Шаня, на сѣверъ, къ пустынямъ прибалхашья. На самомъ дѣлѣ въ южной, гористой части области встрѣчается цѣлый рядъ отдѣльных болѣе или менѣ замкнутыхъ мѣстностей, или

районовъ, представляющихъ болѣе или менѣе законченную скалу обрисованныхъ выше поясовъ, начиная съ ледниковъ и альпійскихъ луговъ и кончая песками и солонцами по долинамъ прорѣзающихъ горы рѣкъ. Болѣе правильная смѣна естественныхъ зонъ наблюдается въ сѣверной части области, отъ вершинъ Зайлійскаго и Джунгарскаго Алатау къ Балхашу, но и здѣсь альпійскіе луга или богара предгорій не тянется сплошными площадями; скалистые хребты, глубокія ущелья, склоны и дно которыхъ засыпаны камнями, каменистыя и щебневатыя пустыни—часто прерываютъ альпійскія плато и плодородные увалы предгорій; съ другой стороны, и въ безводныхъ солончаковыхъ, песчаныхъ и глинистыхъ степяхъ встрѣчаются оазисы орошенныхъ пашень и покосовъ.

Такимъ образомъ, въ Семирѣчьѣ, въ противоположность западно-сибирскимъ степямъ, нѣтъ большихъ сплошныхъ пространствъ удобныхъ земель; послѣднія расположены болѣе или менѣе обширными оазисами среди горъ и безводныхъ пустынь. Сплошь на десятки и сотни верстъ тянутся лишь солончаковыя и песчаныя степи равнинной части, обыкновенно причисляемая къ неудобнымъ землямъ. Но здѣсь возникаетъ вопросъ о критеріи „удобства“ земель. Съ точки зрѣнія скотоводческаго хозяйства всѣ перечисленныя нами выше естественныя зоны Семирѣчья, за исключеніемъ, конечно, ледниковъ и голыхъ скалъ, удобны въ извѣстное время года и используются туземцами. Поздней осенью, зимой и ранней весной скотъ—преимущественно, овцы—пасется въ песчаныхъ и солончаковыхъ степяхъ; съ конца марта—начала апрѣля онъ постепенно подгоняется къ горамъ и время съ середины мая до середины іюля проводитъ на альпійскихъ лугахъ; съ конца іюля—начала августа начинается обратное движеніе скота и людей, которые и распределяются на зиму частью въ предгорьяхъ, частью въ степяхъ.

Гораздо строже критерій удобныхъ земель съ точки зрѣнія хлѣбопашества. Но и съ этой точки зрѣнія по общимъ климатическимъ и почвеннымъ условіямъ, въ сущности, удобны всѣ зоны Семирѣчья, кромѣ зоны хвойныхъ лѣсовъ, альпійскихъ луговъ и выше-лежащихъ ледниковъ. Не говоря уже с черноземахъ и темно-каштановыхъ суглинкахъ „богар-

ныхъ“ предгорій, лессы, „солонцы“ и „пески“ равнины таятъ въ себѣ громадное плодородіе. Дайте только воды. Современный пустынный характеръ растительности Семирѣчья, какъ и всей Средней Азіи, зависитъ отъ сухости воздуха и почвы; тамъ же, гдѣ влаги достаточно, растительность достигаетъ гигантскихъ размѣровъ и силы, свойственныхъ субтропическому поясу. Такъ, въ предгорьяхъ травы изъ семейства зонтичныхъ разрастаются въ цѣлыя заросли, въ которыхъ легко прячется верховая лошадь съ сѣдокомъ и которыя можно только рубить топоромъ,—такъ толсты и тверды стволы-трубки этихъ травъ. Гигантской высоты и страшной густоты достигаютъ также заросли тростниковъ по заболоченнымъ берегамъ рѣкъ и озеръ. Какъ велика здѣсь растительная сила земли, видно, хотя-бы, изъ того, что достаточно воткнуть въ арыкъ вѣтку, отломанную отъ тополя, чтобы черезъ нѣсколько дней она дала зеленые побѣги, а черезъ 15 лѣтъ вполне зрѣлое *строгое* дерево, тогда какъ въ Европейской Россіи тополь достигаетъ зрѣлости въ 40—50 лѣтъ. Бесплодный камень, злостные солонцы и лишеныя растительности пески встрѣчаются сравнительно рѣдко, а хрящеватыя и солонцеватыя суглинки и супеси степей, при достаточномъ орошеніи, даютъ прекрасные урожаи; даже сильно засоленные земли туземцы выщелачиваютъ водой и обращаютъ въ тучныя рисовыя поля.

Къ сожалѣнію, приходится констатировать, что воды въ Семирѣчьѣ въ настоящее время хватаетъ только для орошенія небольшой части земель подгорной полосы, которая вмѣстѣ съ предгорьями и является ареной земледѣльской культуры, а остальныя громадныя пространства служатъ только какъ пастбища для скота туземцевъ-кочевниковъ.

Едва-ли, однако, есть основанія считать это современное положеніе вещей неизмѣннымъ. Болѣе рациональное использование теперешнихъ оросительныхъ системъ и сооруженіе новыхъ могутъ дать еще широкій просторъ для развитія земледѣлія. А что это не утопія, показываютъ остатки въ теперешнихъ пустыняхъ городовъ и оросительныхъ сооруженій, свидѣтельствующіе, что за свою многолѣтнюю исторію земледѣліе въ Семирѣчьѣ знало лучшія времена по сравненію съ современнымъ его положеніемъ.

Нынѣшняя Семирѣченская область лежитъ на пути „Великаго переселенія народовъ“ и потому представляетъ для археологовъ и этнографовъ значительный интересъ. Арійскіе, финскіе, тюрко-монгольскія кочевые народы, двигавшіеся изъ восточной Азіи и постепенно заполнившіе западную Азію и Европу,—всѣ проходили черезъ Семирѣчье, и каждый изъ нихъ оставался здѣсь болѣе или менѣе продолжительное время, пока его не вытѣсняла далѣе на западъ новая волна восточныхъ народовъ. Со II-го столѣтія до Рождества Христова объ этой смѣнѣ народовъ, владѣвшихъ Семирѣчьемъ, имѣются болѣе или менѣе непрерывныя свѣдѣнія въ китайскихъ лѣтописяхъ, къ которымъ значительно позднѣе присоединяются арабскіе и персидскіе источники. Относительное богатство свѣдѣній о ранней исторіи Семирѣчья объясняется его географическимъ положеніемъ: страна эта находилась въ сферѣ вліянія двухъ древнѣйшихъ культуръ,—съ юго-востока китайской и съ юго-запада арабской. Первая, конечно, значительно старше. Китайцамъ приходилось выдерживать натискъ кочевниковъ съ сѣвера; отъ нихъ-то Китай и отгородился Великой стѣной. Но стѣна, конечно, и въ сѣдую старину плохо помогала,—приходилось и воевать съ кочевыми народами, и поддерживать съ ними мирныя политическія сношенія. Семирѣчье и было предѣльной областью на сѣверо-западѣ, до которой доходили китайцы.

На югѣ и юго-западѣ отъ Семирѣчья—нынѣшній китайскій Туркестанъ и русскій, въ тѣсномъ смыслѣ слова—въ непосредственномъ сосѣдствѣ лежалъ Мавераннагръ, страна также искони культурная. Отсюда пришли въ Семирѣчье земледѣліе, городская жизнь съ ремеслами и торговлей; письменность, сперва сирійская, а затѣмъ вытѣснившая ее арабская; мусульманская религія, арабская архитектура и т. д. Укрѣпленіе въ Семирѣчѣ арабской культуры, тогда какъ вліяніе китайской осталось малозамѣтнымъ, объясняется не только близостью центровъ первой и отдаленностью Китая, но и тѣмъ, что Мавераннагръ постепенно заселяли тюркскія племена, родственныя кочевникамъ Семирѣчья. И начиная съ XV столѣтія, китайцы могли владѣть этимъ краемъ только политически, но культурно онъ принадлежалъ уже мусульманскому Западу.

Мы не будемъ здѣсь излагать исторію смѣны въ Семирѣчѣ тюркскихъ и монгольскихъ народовъ. Укажемъ только, что когда въ XVI и XVII столѣтіяхъ образовалась послѣдняя кочевая имперія—джунгарская (калмыки), то въ горахъ и степяхъ Семирѣчья кочевали нынѣшніе обитатели его „казаки“ (киргизы) и кара-киргизы. Казакскіе роды—конгломератнаго тюрко-монгольскаго происхожденія и ведутъ свое начало отъ разныхъ, весьма древнихъ племенъ, населявшихъ Семирѣчье. Кара-киргизы, болѣе чистые тюрки, приходили въ Семирѣчье съ верховьевъ Енисея, начиная съ X столѣтія и до XVII-го.

Киргизы въ значительной части были вытѣснены изъ Семирѣчья калмыками, а отсюда распространились по сосѣднимъ областямъ,—нынѣшнимъ Сыръ-Дарьинской, Ферганской, Семипалатинской, Акмолинской, Тургайской. А когда, въ срединѣ XVIII столѣтія, Джунгарское царство было уничтожено китайцами, киргизы опять стали кочевать въ Семирѣчѣ, номинально принявъ китайское подданство.

Первое русское поселеніе, вѣрнѣе военный постъ, было основано въ Семирѣченской области въ 1831 г. именно, въ этомъ году на р. Ягузъ нынѣшняго Лепсинскаго уѣзда былъ учрежденъ „Аягузскій Приказъ“. Такимъ образомъ, русскіе впервые пришли въ Семирѣчье съ Иртыша, съ сѣверо-востока. Въ послѣдующіе годы русскіе военные отряды подвигались постепенно на юго-западъ, основывая новыя укрѣпленія и связывая ихъ съ устроенными раньше цѣпью казачьихъ пикетовъ, которые охраняли линію сообщенія и несли почтовую службу. Одновременно съ занятіемъ Семирѣчья съ сѣверо-востока, русскіе подвигали къ этому краю свои укрѣпленія и съ сѣверо-запада,—въ 1845—53 г.г. была построена Сыръ-Дарьинская линія.

Наступательное движеніе русскихъ на Семирѣчье не встрѣтило со стороны Китая, тогдашняго номинальнаго владѣльца этого края, никакого отпора. Китайскія власти и гарнизоны, находившіеся въ городахъ, лежащихъ на югѣ отъ Джунгарскаго Алатау, въ нынѣшней Илійской провинціи, были пассивными зрителями занятія края русскими. Нѣкоторые сопротивленіе оказывали туземцы—киргизы и кокандцы,

или ташкентцы, фактически хозяйничавшіе въ Семирѣчьѣ и взимавшіе съ киргизъ подати. Кокандцы доходили на востокъ до р. Лепсы, а въ Заилійскомъ краѣ у нихъ было нѣсколько крѣпостей.

Ниже мы приводимъ главнѣйшія даты изъ исторіи занятія края русскими. Въ 1846 г., во время экспедиціи на р. Или противъ Кенисары Касимова, былъ основанъ постъ Копальскій, превращенный въ слѣдующемъ 1847 г. въ укрѣпленіе. Въ 1850—54 г.г. занятъ Заилійскій край, и въ 1854 г. основано укрѣпленіе Вѣрное, нынѣшній областной городъ. Въ томъ же 1854 г. Аягузскій и Копальскій округа съ Заилійскимъ краемъ включены въ составъ вновь образованной Семипалатинской области.

Въ 1855—59 г.г. совершенъ рядъ военно-научныхъ экспедицій въ область озера Иссыкъ-куль и горъ Ханъ-Тенгри (нынѣшніе Пржевальскій и Джаркентскій уѣзды).

Въ 1860 г. ген. Колпаковскій одержалъ при Узунъ-агачѣ побѣду надъ кокандцами и взялъ и разрушилъ кокандскія крѣпости Токмакъ и Пишпекъ, возстановленныя затѣмъ туземцами.

Въ 1862 г. ген. Колпаковскимъ вторично былъ взятъ Пишпекъ, а въ 1864 г. Токмакъ. Въ то же время ген. Черняевъ, идя съ запада, взялъ Туркестанъ, Чимкентъ, Аулиеата. Такимъ образомъ сомкнулась восточная и западная линіи русскихъ укрѣпленій въ Средней Азіи.

Въ 1865 г. была образована Туркестанская область, преобразованная въ 1867 г. въ генераль-губернаторство въ составѣ Сыръ-Дарьинской и Семирѣченской областей.

1867 г., такимъ образомъ, является датой начала самостоятельнаго административнаго существованія Семирѣченской области. Въ томъ же году 9 и 10 Сибирскіе казачьи полки были переименованы въ Семирѣченское казачье войско, наказнымъ атаманомъ котораго назначенъ военный губернаторъ. Онъ же поставленъ во главѣ гражданскаго управленія областью. Туземцы съ самаго основанія области управляются по „Степному положенію“, которое до 1891 г. именовалось временнымъ.

Въ 1868 г. первый военный губернаторъ Семирѣченской

области, г. Колпаковскій, предпринялъ экспедицію въ Нарынскій край, сосѣдній съ Ферганой (южная часть нынѣшнихъ Пишпекскаго и Пржевальскаго уѣздовъ), и присоединилъ его къ области.

Въ 1871 г. была занята долина Или въ нынѣшнемъ Джаркентскомъ уѣздѣ и Кульджинскій край. На обстоятельствахъ этой послѣдней въ Семирѣчьѣ военной экспедиціи мы нѣсколько остановимся, такъ какъ они поучительны и сами по себѣ, а теперь, въ виду возникновенія недоразумѣній съ Китаемъ, особенно интересны.

Китайцы, уничтоживъ въ серединѣ XVIII столѣтія Джунгарское царство, ограничились тѣмъ, что оставили въ нынѣшней Илійской провинціи и сѣверо-западной Монголіи свои гарнизоны и властей, управлявшихъ страной, взимавшихъ съ нея подати и державшихъ ее въ повиновеніи. Но масса туземнаго населенія жила своей экономической и культурной жизнью, чуждой китайцамъ-завоевателямъ. Кочевое населеніе состояло изъ киргизъ и остатковъ джунгарскихъ родовъ (калмыковъ), осѣдлое—преимущественно, изъ сартовъ и татаръ. Образовалось, впрочемъ, еще два слоя населенія: изъ центральныхъ провинцій Китая переселялись сюда китайцы-мусульмане, извѣстные подъ именемъ дунганъ, а изъ городовъ Кашгаріи: Аксу, Турфана, Яркенда, Хотана и др. земледѣльцы-сарты, получившіе здѣсь названіе таранчей. Дунгане переселились въ этотъ далекій край отчасти вслѣдствіе земельной тѣсноты въ Китаѣ, отчасти, вѣроятно, вслѣдствіе общности религіи съ туземнымъ мусульманскимъ населеніемъ. Таранчи были поселены принудительно и обязаны ежегодно доставлять для нуждъ китайскихъ войскъ съ каждаго дома извѣстное количество зерна. Тяжесть поборовъ и притѣсненія китайскихъ чиновниковъ и войскъ объединили дунганъ съ туземнымъ населеніемъ въ чувствѣ недовольства китайскимъ господствомъ, и въ началѣ 60-тыхъ годовъ прошлаго столѣтія это недовольство вылилось въ открытое возстаніе.

Первыми въ 1862 г. возстали дунгане, затѣмъ къ нимъ присоединились и таранчи. Китайскія войска были разбиты повстанцами, немногочисленное китайское населеніе въ городахъ было частью вырѣзано, частью, вмѣстѣ съ остатками

войскъ, бѣжало въ Китай, и чугучакскій и кульджинскій край оказался въ рукахъ возставшихъ. Сперва было образовано два султанства,—дунганское и таранчинское; затѣмъ начались междуусобія, и болѣе многочисленные таранчи побѣдили дунганъ и подчинили ихъ своему, теперь единственному въ краѣ султану. Что касается кочевыхъ народовъ, киргизъ и калмыковъ, то активнаго участія въ происходящей политической борьбѣ, они не принимали, но, разумѣется, послѣдняя отразилась среди нихъ извѣстной смутой: стародавняя вражда между киргизами и калмыками обострилась, участились взаимные набѣги и грабежи и перекинулись и въ предѣлы русской Семирѣченской области.

Послѣднее обстоятельство и было непосредственнымъ поводомъ Кульджинскаго похода ген. Колпаковского, тѣмъ болѣе, что ожидать возвращенія въ Кульджинскій край китайцевъ, повидимому, не было основаній: съ 1862 г., т. е. съ начала дунганскаго возстанія, и до 1871 г. прошло 10 лѣтъ, а китайцы не предпринимали никакихъ мѣръ, чтобы вернуть себѣ отпавшій край. А между тѣмъ край этотъ—среднее и верхнее теченіе р. Или—представлялъ прямое продолженіе русскихъ владѣній по р. Или; природныя же богатства его—прекрасныя, изобильно-орошенныя земли, лѣса, каменный уголь, руды—давно славились.

Послѣ занятія Кульджи русскими войсками кульджинское султанство было упразднено и въ краѣ было введено то же управленіе, что и въ остальныхъ уѣздахъ Семирѣченской области,—по Степному положенію, съ уѣздными и участковыми начальниками и пр. Населеніе постепенно привыкло къ русскому управленію и примирилось съ русскимъ господствомъ. Очевидно, помирился съ фактомъ потери кульджинскаго края и Китай, такъ какъ въ теченіе послѣдующихъ 10 лѣтъ (1871—1881 г.г.) не протестовалъ противъ занятія его русскими, какъ въ предшествующее десятилѣтіе не принималъ никакихъ мѣръ противъ повстанцевъ—дунганъ и таранчей.

Тѣмъ болѣе неожиданностью явилось для туземнаго населенія, а, вѣроятно, и для самаго Китая, возвращеніе ему Кульджи по пегербургскому договору 1881 г. Край никогда не былъ китайскимъ по населенію и культурѣ, 20 лѣтъ Ки-

тай не владѣлъ имъ и ничего не предпринималъ, чтобы возстановить свое владѣніе имъ, и вдругъ Россія добровольно, послѣ десятилѣтней оккупации, отдаетъ его Китаю. Великодушіе, которое особенно непонятно теперь, когда читаешь о намѣреніи вновь оккупировать Кульджу, при радикально-измѣнившейся политической конъюнктурѣ.

Туземное населеніе, въ лицѣ таранчей и дунганъ, не было, однако, столь равнодушно къ вопросу о томъ, кто будетъ владѣть Илійской провинціей—Китай или Россія,—старая вражда къ китайцамъ не была еще забыта. И когда туземцамъ было предоставлено право или оставаться въ кульджинскомъ краѣ въ китайскомъ подданствѣ, или перейти въ Семирѣчье въ русское подданство, то, помимо нѣсколькихъ киргизскихъ родовъ, въ Семирѣчье переселилось много тысячъ семей таранчей и болѣе тысячи семей дунганъ. Переселеніе таранчей и дунганъ прилило къ туземному населенію Семирѣчья культурный элементъ: таранчи и дунгане—прекрасные земледѣльцы, искусные ремесленники и предприимчивые торговцы. Но этотъ выигрышъ не покрываетъ, конечно, потери богатѣйшей Илійской долины въ ея верховьяхъ.

Говоря о переселеніи въ Семирѣчье таранчей, нельзя не упомянуть о его вождѣ, Вали-ахунѣ Юлдашевѣ. Имя этого энергичнаго и умнаго челоуѣка вообще тѣсно связано съ исторіей русской оккупации кульджинскаго края въ 1871—1881 г.г., переселеніе же въ русскіе предѣлы его соплеменниковъ осуществилось въ значительной мѣрѣ благодаря его личной энергіи и затратѣ его капиталовъ. Это безусловно вѣрно, по крайней мѣрѣ, относительно джаркентскаго района. Здѣсь громадная площадь лессовыхъ земель между р.р. Хоргосомъ и Барахундзиромъ, можно сказать, оплодотворена Юлдашевымъ. Частью непосредственно имъ самимъ, частью при его матеріальномъ и организующемъ участіи здѣсь возстановлено много старыхъ, давно заброшенныхъ арыковъ и вырыто еще больше новыхъ. Конечно, въ этой широкой созидательной дѣятельности Юлдашевымъ руководили эгоистическіе мотивы и возможна она была только потому, что онъ пользовался *кабальнымъ* трудомъ своихъ соплеменниковъ, но какъ бы тамъ ни было, ея культурные ре-

зультаты для цѣлой обширной мѣстности—налицо. Городъ Джаркентъ, казачьи селенія, (выселки Николаевскій и Хоргосскій) и нѣсколько десятковъ таранчинскихъ и дунгаскихъ поселеній пользуются „юлдашевскими“ арыками, и когда вы теперь проѣзжаете по этой цвѣтущей мѣстности съ прекрасными древесными насаждениями, производящей массу риса и дающей урожаи лучшихъ въ краѣ винограда, персиковъ и другихъ фруктовъ, вы не повѣрите, что 30 лѣтъ тому назадъ это была безводная пустыня, почти лишенная растительности. Въ настоящее время Юлдашевъ—потомственный почетный гражданинъ г. Джаркента, строитель въ немъ прекрасной двухсотъ-тысячной мечети, крупный коммерсантъ и, не смотря на свой почтенный возрастъ, все еще не утратившій кипучей энергіи предприниматель; вліяніе его среди туземцевъ, разумѣется, огромно.

1881 годомъ, когда Кульджа была возвращена китайцамъ, закончилось территоріальное расширение Семирѣченской области и была установлена нынѣшняя ея граница съ Китаемъ. Начался, такимъ образомъ, періодъ мирнаго завоеванія края русской культурой, которая пришла сюда на смѣну вліяній древнихъ культуръ—китайской и арабской. Успѣхи на этомъ поприщѣ всецѣло, конечно, зависѣли отъ успѣшности русской колонизаціи края.

Исторія русской колонизаціи Семирѣчья можетъ быть подраздѣлена на 4 рѣзко отличающіеся другъ отъ друга періода: 1) отъ учрежденія Аягузскаго Приказа (1831 г.) до учрежденія Семирѣченской области (1867 г.); 2) отъ 1867 до 1882 г., въ которомъ Семирѣченская область была включена въ составъ Степного генераль-губернаторства; 3) отъ 1882 г. до учрежденія нынѣ дѣйствующей переселенческой организаціи въ области (1905 г.), и 4) отъ 1905 г. до настоящаго времени.

Въ первый періодъ, особенно въ первую его половину, дѣло шло не столько о колонизаціи новаго края, сколько о занятіи его военной силой. Однако уже въ 1832 г., т. е. черезъ годъ послѣ учрежденія Аягузскаго приказа, были вы-

званы охотники изъ Сибирскаго линейнаго войска (переименованнаго, затѣмъ, въ казачье) для поселенія на Аягузѣ. Охотниковъ не нашлось, а въ 1836 г., по неизвѣстной намъ причинѣ, послѣдовало запрещеніе селить охотниковъ при укрѣпленіяхъ, постахъ и пикетахъ въ новыхъ округахъ. И до 1847 г. русскій элементъ въ Семирѣченской области былъ представленъ только военными отрядами. Только въ этомъ году были выбраны по жребію и поселены сибирскіе казаки на Аягузѣ и въ Копалѣ.

Сибирскіе казаки и были первыми русскими колонизаторами края. Въ Семирѣченской области они, также какъ и на другихъ окраинахъ, исполнили свою историческую миссію, выраженную въ словахъ рескрипта Императора Александра II, даннаго въ 1861 г. на имя гр. Евдокимова, командовавшаго войсками Кавказской линіи: „Казачье сословіе предназначено въ государственномъ быту для того, чтобы оберегать границы имперіи, прилегающія къ враждебнымъ и неблагоустроеннымъ племенамъ, и заселять отнимаемыя у нихъ земли. Переселеніе впередъ нашихъ линій, конечно, не можетъ не быть тягостнымъ, но это переселеніе есть жертва, приносимая вѣрнопопдаными для блага отечества“.

Однако, подневольныхъ колонизаторовъ-казаковъ скоро оказалось недостаточно, и съ 1854 г. стали переселять въ Семирѣчье охотниковъ изъ сибирскихъ ссыльно-поселенцевъ, „отличавшихся хорошимъ поведеніемъ“, и сибирскихъ крестьянъ, „неисправныхъ недоимщиковъ“; въ концѣ же 50-хъ годовъ прошлаго столѣтія къ этимъ „охотникамъ“ прибавилось небольшое число крестьянъ изъ Европейской Россіи. Переселенцы эти переписывались въ казаки.

Такимъ образомъ до 1867 г. было образовано въ Семирѣченской области 13 казачьихъ поселеній,—станіицъ и выселковъ. Дальнѣйшее увеличеніе числа казачьихъ поселковъ шло уже не столько на счетъ приписки къ казакамъ новыхъ элементовъ, сколько вслѣдствіе естественнаго роста населенія въ Семирѣченскомъ казачьемъ войскѣ. Въ настоящее время число казачьихъ станіицъ и выселковъ въ области достигло 32 (5—въ Лепсинскомъ уѣздѣ, 13—въ Копальскомъ, 6—въ Вѣренскомъ, 6—въ Джаркентскомъ, 2—въ Пржевальскомъ).

Съ учрежденіемъ Семирѣченской области, одной изъ главныхъ заботъ перваго ея военнаго губернатора, ген. Колпаковского, была русская ея колонизація. Русское господство въ области было упрочено, дальнѣйшія военныя предпріятія могли имѣть цѣлью лишь расширеніе ея границъ; наступило, слѣдовательно, время подумать о развитіи производительныхъ силъ края. Ген. Колпаковский, до своего назначенія губернаторомъ уже много лѣтъ служившій въ области, хорошо зналъ, какую цѣну, какъ колонизаторы, имѣютъ Семирѣченскіе казаки. Въ 1868 г. онъ доносилъ Туркестанскому генераль-губернатору: „Первоначальное заселеніе Семирѣченской области производилось вызовомъ и переселеніемъ по жребію. Шли люди бездомныя, сомнительнаго поведенія, рассчитывая не на собственной трудъ, а на пособіе правительства, на готовые пашни и арыки киргизовъ“.

Пособіемъ правительства и эксплуатаціей туземцевъ и жили первые колонисты-казаки, не давая культурному развитію края ничего или почти ничего. Ген. Колпаковский же желалъ имѣть колонистовъ, которые бы внесли въ область русскую культуру. Съ этой цѣлью были выработаны правила для переселенія въ область, на льготныхъ основаніяхъ, крестьянъ изъ Европейской Россіи.

Къ концу 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія среди крестьянъ въ Россіи пылъ первыхъ надеждъ на актъ „освобожденія“ уже остылъ, и нашлось достаточно охотниковъ переселиться въ Семирѣченскую область.

Начиная съ 1869 г. и въ теченіе 70-хъ годовъ, было образовано 28 селеній, преимущественно изъ выходцевъ изъ Воронежской губерніи. По уѣздамъ эти селенія распредѣляются такъ: въ Лепсинскомъ—8, Копальскомъ—2, Вѣрненскомъ—6, Пржевальскомъ—6, Пишпекскомъ—6.

Къ 1882 г., когда Семирѣченская область была включена въ составъ Степного генераль-губернаторства, закончилась эта вторая колонизаціонная волна въ Семирѣчьи. Справедливость требуетъ сказать, что въ смыслѣ пионеровъ труда и культуры едва-ли эти вторые, по времени, колонисты много превзошли первыхъ. Крестьяне также, какъ раньше казаки, селились почти исключительно на „готовыхъ пашняхъ и ары-

кахъ киргизовъ“ и, если въ чемъ и проявили большую энергію, то это въ эксплуатаціи дѣвственной природы и тогда еще наивныхъ въ денежныхъ дѣлахъ туземцевъ.

Съ 1882 и по 1905 г. дѣло русской колонизаціи Семирѣчья затормозилось, и за этотъ періодъ было образовано всего 8 селеній: 6—въ Пишпекскомъ уѣздѣ и 2—въ Пржевальскомъ. Правила о переселеніи мѣнялись: въ 1883 г. были выработаны мѣстныя правила, въ 1889 г. на Семирѣчье былъ распространенъ общій законъ о переселеніи въ Сибирь; но, помимо этого, дѣло заселенія края русскими подвигалось слабо, въ зависимости и отъ существовавшихъ тогда общихъ взглядовъ Правительства на переселеніе крестьянъ, и отъ взглядовъ мѣстной администраціи. Уже тогда возникли въ Семирѣченской области не разрѣшенные и до сихъ поръ вопросы о землеустройствѣ казаковъ, затѣмъ крестьянъ—„старожителей“ и, наконецъ, туземцевъ. И эти вопросы стояли на пути каждый разъ, какъ нужно было заселить новыми пришельцами тотъ или другой участокъ земли. Именно эти мѣстные вопросы послужили поводомъ отсрочить въ Семирѣченской области дѣйствіе закона 1889 г. на 2 года, „впредь до землеустройства казаковъ“, а въ 1895 г. вообще приостановить переселеніе въ область, „впредь до землеустройства туземцевъ“.

Измѣнилась общая и мѣстная политика въ неблагопріятную для русскаго переселенія сторону, но экономическія условія, двигающія это переселеніе, продолжали дѣйствовать. Русскіе переселенцы, создавшіе въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія въ Тургайской области „вольный“ городъ Кустанай, уже знали, что если пойти на юго-востокъ, черезъ Голодную степь, то дойдешь до теплыхъ и хлѣбородныхъ земель „Пришпека“. Точно также не забывали о Семирѣчьи и сибиряки, знавшіе о немъ отъ потомковъ первыхъ колонистовъ—„недоимщиковъ“ и получавшіе отсюда осенью громадныя „вѣрненскія“ яблоки. И вотъ, въ Семирѣчье шли, частью съ сѣверо-запада, частью съ сѣверо-востока, переселенцы—„самовольцы“.

Получить землю имъ не представлялось труда: простора было много, а киргизы, въ пользованіи которыхъ находился

этотъ просторъ, были слишкомъ миролюбивы и некультурны, чтобы мѣшать самовольному захвату земель русскими переселенцами. Во многихъ случаяхъ это и былъ прямой захватъ: приходили крестьяне, облюбовывали мѣсто, возводили на немъ временныя, а потомъ и постоянныя строенія и расплачивали кругомъ земли. Въ другихъ случаяхъ „самовольцы“ „покупали“, или арендовали землю у киргизъ, вѣрнѣе сказать, у киргизскихъ богачей—должностныхъ лицъ, которыя клали арендныя деньги цѣликомъ себѣ въ карманъ. Эта аренда переселенцами земли у киргизъ особенно развилась въ болѣе близкіе къ намъ годы, когда въ Семирѣчьѣ стало потѣснѣе и среди киргизъ распространилось нѣкоторое знаніе своихъ правъ на землю; „влиятельные“ киргизы иногда дѣлали для себя постоянную доходную статью изъ сдачи земли въ аренду русскимъ.

И самовольцы-арендаторы, и самовольцы-захватчики, прежде чѣмъ образовать на выбранномъ мѣстѣ новый поселокъ, устраивались, обыкновенно, на нѣкоторое время въ старожильческихъ селеніяхъ въ качествѣ квартирантовъ, называемыхъ старожителями „иногородними“, „разночинцами“, а по статистической терминологіи, посторонними. Затѣмъ часть уходила въ новые самовольческіе поселки и хутора, часть продолжала жить въ старыхъ селеніяхъ, арендуя землю у киргизъ и русскихъ старожиловъ.

За разсматриваемый періодъ (1882—1905 гг.) число такихъ „постороннихъ“, неприписанныхъ къ селеніямъ, накопилось большое. И несмотря на то, что начальство, можно сказать, не беспокоило этихъ самовольныхъ переселенцевъ и предоставляло имъ возможность устраиваться среди киргизъ, „самовольцы“ все докучали просьбами объ ихъ легализации. Образованныя въ этотъ періодъ селенія и представляютъ собой, въ сущности, легализованные поселки „самовольцевъ“.

По сравненію съ первыми двумя категоріями русскихъ колонистовъ въ Семирѣчьѣ: казаками и крестьянами-старожителями, самовольцы представляютъ, пожалуй, болѣе энергичный и предприимчивый элементъ, такъ какъ они пришли на новыя мѣста безъ всякаго пособія отъ правительства; но энергія ихъ и предприимчивость, въ боль-

шинствѣ случаевъ, сказывается лишь въ умѣніи захватить, выражаясь словами ген. Колпаковского, „готовыя пашни и арыки киргизовъ“. Образованъ прогрессивныя, культурныя хозяйства „самовольцы“ были также не въ силахъ, тѣмъ болѣе, что большинство изъ нихъ принадлежало къ „отбросамъ сибирскаго переселенія“, т. е. къ крестьянамъ, побывавшимъ уже въ Сибири и по тѣмъ или другимъ причинамъ не могшимъ тамъ устроиться. Часто это—люди, уже обезсиленыя и выбитыя изъ колеи, потерявшія отъ неудачъ увѣренность въ себѣ, иногда уже склонныя къ бродяжеству.

Учрежденная въ 1905 г. въ Семирѣченской области мѣстная организація Переселенческаго Управленія энергично принялась за изслѣдованіе края и заготовку переселенческихъ участковъ. Но отъ предшествующаго періода переселенческая организація получила въ наслѣдіе все тѣхъ же „самовольцевъ“, которыхъ и приходилось устраивать на заготовляемыхъ участкахъ. До 1910 г. Семирѣченская область официально все еще была закрыта для переселенія, и двигавшіеся въ нее изъ Россіи и Сибири крестьяне были самовольными переселенцами. Только въ 1910 г. въ область были допущены первыя партіи ходоковъ, которые осмотрѣли нѣкоторыя участки и зачислили за своими довѣрителями земли.

Всего за время существованія Семирѣченской Переселенческой организаціи (1905—1910) ею заготовлено 181 переселенческихъ участковъ: въ Копальскомъ уѣздѣ—61, въ Лепсинскомъ—35, Пишпекскомъ—21, Вѣрненскомъ—18, Нарынскомъ подрайонѣ (Пржевальскій уѣздъ)—17, Пржевальскомъ—16. Во всѣхъ участкахъ заготовлено 63.824 душевыхъ доли, размѣръ которыхъ колеблется отъ 10 до 4 десятинъ. Въ первые годы своей дѣятельности организація наръзала по 10 десятинъ на душу, затѣмъ начала сокращать душевой надѣлъ, и въ послѣдніе годы преобладаютъ надѣлы въ 6, 5 и даже 4 десятины на душу. Изъ 63.824 долей заселено и зачислено за переселенцами 26.336, а 37.488 остаются свободными. Начиная съ 1907 г., образуются новыя селенія, число ихъ до настоящаго времени достигло 54 (считая и такія, заселеніе которыхъ начато, но еще не закончено): въ Пишпекскомъ уѣздѣ—14,

Лепсинскомъ — 14, Пржевальскомъ — 9, Копальскомъ — 7, Върненскомъ—6 и Джаркентскомъ—4.

Общие результаты колонизации Семирѣченской области осѣдлымъ населениемъ за время русскаго въ краѣ господства выражаются слѣдующими цифрами:

У Ѣ З Д Ы.	Города.	Казачьи станицы и выселки.	Русскія крестьянск. селенія образованныя:			Туземн. осѣдло-земледѣльч. селенія.			Всего.	Въ томъ числѣ русскихъ поселен.
			Въ 1868—1882 г.г.	Въ 1882—1905 г.г.	Въ 1905—1910 г.г.	Таранчинскія.	Дунганскія.	Киргизскія.		
Върненскій . . .	1	6	6	—	6	20	1	—	40	19
Копальскій . . .	1	13	2	—	7	—	—	—	23	23
Лепсинскій . . .	1	5	8	—	14	—	—	—	28	28
Джаркентскій . .	1	6	—	—	4	38	2	—	51	11
Пржевальскій . .	1	2	6	2	9	—	1	—	21	20
Пшпекскій . . .	1	—	6	6	14	—	2	1	30	27
Итого	6	32	28	8	54	58	6	1	193	128

Вышеприведенный списокъ осѣдлыхъ поселеній, нѣсколько неполонъ, въ него не вошли хутора и поселки арендаторовъ и самовольцевъ, еще не зарегистрированные начальствомъ. Но, во всякомъ случаѣ, и нашъ списокъ показываетъ, что во всѣхъ уѣздахъ Семирѣченской области русскія селенія довольно многочисленны. А такъ какъ въ большинствѣ случаевъ они расположены по почтовымъ дорогамъ, то для путешественника, не сворачивающаго въ сторону отъ дороги, въ горы и степи, создается впечатлѣнiе, что онъ ѣдетъ почти по русскому краю, гдѣ туземцы играютъ лишь подчиненную роль даже по своей численности.

На самомъ дѣлѣ данныя областной статистики рисуютъ

иную картину соотношенія въ Семирѣчьѣ различныхъ категорій населенія къ 1 января 1910 года *).

Общая численность населенія области достигла 1.198.519 душъ обоого пола (въ томъ числѣ 15.560 д. об. п. русскихъ переселенцевъ, водворенныхъ въ 1909 г.). Плотность населенія на 1 квадратную версту выражается цифрой всего 3,2. Чтобы оцѣнить значеніе этой цифры, напомнимъ сравнительныя данныя о густотѣ населенія въ сосѣднихъ областяхъ Туркестана и Степныхъ, а также Сибири и Европейской Россіи.

Области:	Жителей на 1 кв. в.
Ферганская	19,3
Ферганская вмѣстѣ съ Памиромъ	11,1
Самаркандская	14,1
Сырѣ-Дарьинская	3,3
Уральская	2,0
Семипалатинская	1,7
Акмолинская	1,3
Тургайская	1,2
Закаспійская	0,8
Сибирь (губерніи: Тобольская, Томская, Енисейская и Иркутская; области: Забайкальская, Якутская, Амурская, Приморская, Сахалинь)	0,5
Финляндія	8,8
Губерніи Европейской Россіи	22,2
Кавказскій край	22,5
Царство Польское	84,8

Мы пользуемся данными 1-й всероссійской переписи (1897 г.), весьма устарѣлыми. Несомнѣнно съ тѣхъ поръ густота населенія значительно увеличилась, особенно въ Степныхъ областяхъ, куда направилась главная волна переселенія

*) Мы пользуемся „Обзоромъ Семирѣченской области“ за 1909 г., изданнымъ Областнымъ Статистическимъ Комитетомъ въ г. Върномъ въ 1911 г.

изъ Европейской Россіи. Однако, общая картина не могла измѣниться. Она показываетъ, что Семирѣчье по своей безлюдности занимаетъ, такъ сказать, среднее мѣсто: еще безлюднѣе Сибирь и Средне-Азіатскія степи, гдѣ въ тундрахъ, тайгѣ и песчаныхъ пустыняхъ почти нѣтъ людей.

Русскихъ въ Семирѣченской области 188.016, что составляетъ 16% общей численности населенія; изъ 84% туземцевъ 73% киргизъ и 11% сартовъ, татаръ, таранчей, дунганъ и проч.

Осѣдлаго населенія 28%, изъ которыхъ 9% падаетъ на города и 19% на селенія, кочевого—72%. Такимъ образомъ, процентъ кочевниковъ почти совпадаетъ съ процентомъ киргизъ и, дѣйствительно, кочевники—почти исключительно киргизы. Однако, „кочевниковъ“ мы понимаемъ здѣсь въ официальномъ смыслѣ этого слова, т. е. въ смыслѣ приписанныхъ къ кочевымъ инородческимъ волостямъ. На самомъ дѣлѣ, какъ показали наши собственныя изслѣдованія, уже многіе киргизы превратились въ „джатаковъ“, т. е. осѣдлыхъ земледѣльцевъ и скотоводовъ: джатаковъ въ Лепсинскомъ уѣздѣ—28%, въ Копальскомъ—28%, въ Джаркентскомъ—3,6%. Въ общемъ же по области не менѣе 25% киргизъ перешло уже къ осѣдлой жизни. Внося соответствующую поправку, получимъ, что осѣдлое населеніе въ Семирѣчѣ составляетъ 46%, кочевое—54%. Возвращаясь, съ національному составу населенія, отмѣтимъ, что среди осѣдлыхъ жителей русскіе составляютъ въ городахъ 50%, въ селеніяхъ—65%.

Оцѣнивая результаты болѣе, чѣмъ 60-лѣтней (1847—1911) русской колонизаціонной дѣятельности въ Семирѣченской области, мы приходимъ къ двойственному выводу.

Одна изъ цѣлей колонизаціи достигнута; русское господство въ краѣ упрочено. Русскій элементъ въ Семирѣчѣ настолько уже многочисленъ и силенъ, что мирное подчиненіе русскому господству и управленію со стороны туземцевъ можно считать обезпеченнымъ, и развѣ только военныя дѣйствія съ соседнимъ Китаемъ могли бы поколебать ихъ лояльность.

Можно считать достигнутой и другую цѣль: русскіе переселенцы, въ общемъ, живутъ на новыхъ мѣстахъ зажиточно и даже богато. Это безусловно вѣрно, по крайней мѣрѣ, по отношенію

къ старожиламъ,—казакамъ и крестьянамъ. Новоселы, особенно пришедшіе безъ капитала, терпятъ на первыхъ порахъ нужду, но и они скоро устраиваются, и кадръ батраковъ—пролетаріевъ, существующій во всѣхъ переселенческихъ районахъ, сравнительно не великъ въ станицахъ и селеніяхъ Семирѣчья.

Но не къ столь благоприятному выводу придемъ мы, если къ вопросу о русской колонизаціи Семирѣчья подойдемъ съ другой стороны. Государство затратило и продолжаетъ затрачивать не мало народныхъ денегъ на этотъ край. Онѣ шли и идутъ на завоеваніе края, на содержаніе въ немъ управленія, на содѣйствіе русскимъ переселенцамъ, на административно-культурныя начинанія, какъ, на примѣръ, устройство и содержаніе дорогъ, почтово-телеграфныхъ сообщений, медицинскаго и ветеринарнаго надзора и пр., и пр. Мы затрудняемся опредѣлить, какая сумма обще-государственныхъ средствъ поглощена уже, такимъ образомъ, Семирѣченской областью, но несомнѣнно изъ 100 слишкомъ милліоновъ, въ которые уже обошелся Россіи Туркестанъ, на долю Семирѣчья падаетъ не одинъ милліонъ. Эта затрата только въ томъ случаѣ производительна, если развиваются производительныя силы края и, вмѣстѣ съ тѣмъ, увеличивается его колонизаціонная емкость. Вотъ въ этомъ послѣднемъ отношеніи—каково положеніе вещей въ Семирѣчѣ?

Мы упомянули выше объ общемъ высокомъ уровнѣ благосостоянія русскаго земледѣльческаго населенія области. Но основывается оно не на прогрессѣ, не на интенсификаціи хозяйства, а на легкости, съ какой можно было извлекать доходъ изъ нетронутой, дѣвственной почвы среди полудикарей. И казаки, и старожилы, и переселенцы послѣднихъ годовъ ведутъ экстенсивное зерновое хозяйство, по навыкамъ, усвоеннымъ еще отъ отцовъ и дѣдовъ въ Европейской Россіи и перенесеннымъ затѣмъ—черезъ Сибирь или непосредственно—въ Семирѣчье. Единственное новшество, которое они здѣсь ввели, это арычная система полива пашень. Но и его русскіе заимствовали отъ туземцевъ. Мало того, отъ послѣднихъ они получили, въ большинствѣ случаевъ, и готовые уже арыки.

Уже въ VII вѣкѣ послѣ Рождества Христова въ Семирѣчьѣ было развито земледѣліе съ искусственнымъ орошеніемъ и городская жизнь, и, судя по остаткамъ поселеній и арычныхъ системъ въ долинахъ р.р. Чу и Или, культурная жизнь, имѣла широкое распространеніе. Затѣмъ во времена потомковъ Чингисъ-хана въ XIV и XV ст. ст., благодаря постояннымъ набѣгамъ и междуусобицамъ кочевниковъ, земледѣліе пришло въ упадокъ. Когда въ Семирѣчьѣ утвердились калмыки (XVI ст.), началось возрожденіе старой культуры; приглашенные калмыками сарты возстановливали старые арыки, рыли новые, распахивали поля и т. п. Киргизы, смѣнившіе послѣ уничтоженія Джунгарскаго царства китайцами калмыковъ, восприняли отъ нихъ и продолжали развивать арычное земледѣліе. И русскіе нашли въ Семирѣчьѣ обширныя оросительныя системы и распаханныя поля.

Залежная система полеводства, требующая распашки все новыхъ и новыхъ земель, отсутствіе удобренія, чернаго пара, плодосмѣна (сѣются пшеница, овесъ, ячмень, просо—изъ злаковъ, подсолнухъ, ленъ, конопля—изъ масличныхъ и горохъ (мало)—изъ бобовыхъ) характерны для русскаго земледѣлія въ Семирѣчьѣ. Въ сущности, также ведутъ хлѣбопашество и киргизы съ той разницей, что у киргизъ еще менѣе разнообразенъ составъ культивируемыхъ растений. Единственно, что они могли заимствовать и заимствуютъ у русскихъ, это—лучшія орудія обработки земли и уборки продуктовъ. Желѣзный плугъ, желѣзную борону, косилку, жнейку, молотилку, вѣялку—все это туземцы впервые увидели у русскихъ. Существуетъ мнѣніе, что русскіе первые стали сѣять въ предгорьяхъ хлѣба безъ полива; но наши изслѣдованія показали, что и до прихода русскихъ у киргизъ въ Лепсинскомъ и Копальскомъ уѣздахъ были богарныя посѣвы; стало быть, и здѣсь рѣчь можетъ итти только о распространеніи, а не о введеніи безполивнаго земледѣлія. Что касается техники поливнаго земледѣлія, то ее русскіе всецѣло заимствовали у туземцевъ и до сихъ поръ не внесли въ нее ничего своего, новаго. Точно также у туземцевъ заимствовали русскіе переселенцы травосѣяніе, именно посѣвы многолѣтней

туркестанской люцерны, мѣстными жителями неправильно называемой клеверомъ.

Кромѣ зерноваго полевого хозяйства, русскіе крестьяне занимаются огородничествомъ и садоводствомъ; но и то, и другое ведется въ небольшихъ размѣрахъ, и разводятся опять-таки растенія, знакомство съ которыми вывезено изъ Россіи; въ огородахъ: картофель, капуста, огурцы, лукъ и т. п., въ садахъ: яблоня, груша, слива, вишня. Традиціонно, „по-крестьянски“ ведется и скотоводство, и птицеводство, т. е. въ достаточной мѣрѣ отстало и нерационально. И единственная отрасль сельскаго хозяйства, которая и насаждена въ краѣ и широко развивается русскими, это—пчеловодство. Но, вѣдь, расцвѣтъ этой отрасли былъ еще на Руси чуть-ли не во времена Нестора-Лѣтописца.

Резюмируя вышесказанное о постановкѣ въ Семирѣчьѣ сельскаго хозяйства у русскихъ казаковъ и крестьянъ, мы должны констатировать, что они не подвинули его здѣсь впередъ по сравненію съ той весьма невысокой ступенью развитія, на какой они его оставили на родинѣ, въ Европейской Россіи; они только приспособились къ мѣстнымъ условіямъ поливнаго земледѣлія. Ни въ смыслѣ разнообразія культуръ, ни въ смыслѣ пріемовъ обработки почвы они не превзошли осѣдлыхъ туземцевъ,—тюрковъ—сартовъ и китайцевъ—дунганъ; наоборотъ, послѣдніе воздѣлываютъ рисъ, выращиваютъ прекрасныя разнообразные овощи, виноградъ персики и др. фрукты, т. е. заняты культурами, которыя требуютъ гораздо болѣе интенсивнаго хозяйства, чѣмъ обычное крестьянское залежное полеводство.

Болѣе того, можно сказать, что въ смыслѣ приспособленія къ природнымъ условіямъ, даже хозяйство „кочевниковъ“ — киргизъ по своей системѣ—*а не техникъ, конечно*—раціональнѣе хозяйства русскихъ крестьянъ. Мы говорили уже выше, что громадныя площади песчаныхъ и солончаковыхъ степей и высокогорныя плато могутъ быть использованы въ настоящее время лишь какъ пастбища для скота въ извѣстные періоды года, тогда какъ для земледѣлія (конечно, и для скотоводства вмѣстѣ съ тѣмъ) пригодны сравнительно небольшія пространства орошенной подгорной полосы и пред-

горій. Киргизы и приспособили свое хозяйство къ условіямъ этихъ различныхъ зонъ. Зимой и ранней весной они пасутъ скотъ въ степяхъ; ко времени сѣва, когда степи начинаютъ выгорать, они подвигаются со своимъ скотомъ къ подгорнымъ пашнямъ; закончивъ посѣвы, поднимаются на альпійскіе дуга, въ горы, а ко времени жатвы опять спускаются къ полямъ, и осенью возвращаются къ зимовкамъ, служившимъ исходнымъ пунктомъ.

Считая такую систему хозяйства рациональной въ Семирѣчѣ, мы отнюдь, конечно, не рекомендуемъ кочевого образа жизни для людей, но сама природа подсказываетъ такое кочеваніе для скота, и въ правильномъ сочетаніи скотоводства и земледѣлія и заключается единственная возможность использовать земли всѣхъ зонъ.

Вопросъ этотъ имѣетъ громадное значеніе для будущаго колонизаціи Семирѣчья. Естественно, что первые переселенцы захватывали земли, наиболѣе удобныя и плодородныя, и такимъ образомъ русскія поселенія всѣ располагались и продолжаютъ располагаться въ подгорной культурной полосѣ и въ предгорьяхъ. Но земель этихъ не такъ много, онѣ быстро могутъ быть заселены, и тогда при существующемъ экстенсивномъ земледѣліи, въ области скоро наступитъ „тѣснота“, хотя громадныя пространства степей и горъ, по прежнему, будутъ, большею частью, пустовать, такъ какъ киргизы слишкомъ еще малочисленны, чтобы использовать ихъ полностью. Старожилы—казаки и крестьяне—уже предвидятъ это близкое будущее и потому относятся къ новымъ переселенцамъ весьма недружелюбно, пожалуй, даже иногда болѣе недружелюбно чѣмъ киргизы, земли которыхъ отчуждаются подъ переселенческіе участки.

Такимъ образомъ, въ области сельскаго хозяйства, русская колонизація мало еще сдѣлала въ краѣ, еще не разбудила дремлющихъ въ немъ производительныхъ силъ. Но то же самое приходится сказать и относительно другихъ сторонъ экономической жизни: напримѣръ горная промышленность въ этой горной странѣ отсутствуетъ; обрабатывающая промышленность сводится къ переработкѣ нѣкоторыхъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ для мѣстнаго потребленія фаб-

ричнымъ способомъ (вальцовыя мельницы, пивоваренные, винокуренные заводы и т. п.) и къ обычнымъ ремесламъ и кустарнымъ промысламъ; торговля—тоже примитивная, „степная“ и не въ крупныхъ размѣрахъ. Сообразно этому нѣтъ и городской жизни въ современномъ смыслѣ слова. Семирѣченскіе города, даже областной городъ Вѣрный, отличаются отъ сель только тѣмъ, что въ нихъ сосредоточены административныя учрежденія, квартируютъ войска, живутъ чиновники, для удовлетворенія потребностей которыхъ ведется кое-какая торговля и существуетъ мѣстная „промышленность“. Коренные же жители городовъ, точно также какъ и сель, заняты, главнымъ образомъ, хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ или торговлей со степью и селами продуктами того и другого.

Но малые успѣхи русской культуры въ Семирѣчѣ, мнѣ кажется, не могутъ быть поставлены въ вину ни колонизаторамъ, ни колонистамъ: они обуславливаются общими причинами, лежащими внѣ воли тѣхъ и другихъ. Выше мы видѣли какъ не лестно аттестовалъ ген. Колпаковскій первыхъ переселенцевъ—казаковъ; „отбросы сибирскаго переселенія“, терминъ, достаточно распространенный въ примѣненіи къ современнымъ переселенцамъ въ Семирѣчье, едва-ли характеризуетъ послѣднихъ лучше. Но отсталость приемовъ русскаго сельскаго хозяйства въ Семирѣчѣ зависитъ, въ концѣ-концовъ не отъ плохого и экономически-слабаго состава переселенцевъ, а также и не отъ нерадѣнія начальства. Начальство дѣйствуетъ очень энергично, чтобы насадить среди населенія сельскохозяйственную культуру: въ такомъ отдаленномъ и глухомъ краѣ есть и агрономы, и сельско-хозяйственныя школы, и опытыя поля, и племенные производители, и древесные питомники, и сельско-хозяйственные съѣзды, и выставки и пр. Но жизнь развивается всегда въ сторону наименьшаго сопротивленія, такъ и въ данномъ случаѣ. Пока бесплатно или за ничтожную плату можно распахивать у киргизъ новыя земли, чтобы, истощивъ ихъ, забросить и перейти опять къ новымъ, пока путемъ „тамырства“ *) и кредитныхъ операцій можно

*) Тамыръ—по-киргизски, пріятель, другъ.

весьма выгодно эксплуатировать еще наивного киргиза, получая от него и дешевую рабочую силу, и дешевые продукты его хозяйства, и деньги, взаменъ продуктовъ своего хозяйства—какой смыслъ затрачивать трудъ и капиталъ въ землю, переходить къ болѣе совершеннымъ и интенсивнымъ хозяйственнымъ формамъ. Въдь и безъ того достигается цѣль всякой экономической дѣятельности,—доходъ, выражающійся въ данномъ случаѣ въ „сытости“, зажиточности неподвижныхъ семирѣченскаго казака и крестьянина.

Такимъ образомъ некультурность и земельная неустроенность массы туземнаго населенія киргизъ, стоитъ на пути прогресса и русскаго хозяйства въ Семирѣчьи. Но есть и другое, не меньшее, если не большее препятствіе; это—отсутствіе рынка, иными словами, отсутствіе желѣзнодорожнаго пути, связывающаго край съ остальнымъ культурнымъ міромъ. Отъ ближайшей желѣзной дороги (Ташкентъ—Самара) центръ Семирѣченской области, г. Вѣрный, отстоитъ на 700 сличшимъ верстѣ; отъ паровой пристани на Иртышѣ (Семипалатинскѣ), который въ теченіе 5—6 мѣсяцевъ въ году тоже служитъ дорогой для парового транспорта,—на 1100 верстѣ. Конно-почтовая дорога, прорѣзающая край съ запада на востокъ, отъ желѣзной дороги до г. Семипалатинска и имѣющая отвѣтвленія къ уѣзднымъ городамъ—единственный путь для пассажирскаго и товарнаго движенія въ Семирѣчьи. Конечно, и этими путями край обязанъ русскимъ. Но русскіе пока принесли сюда способъ передвиженія, устарѣвшій, примѣрно, на столѣтіе. Попадая на Семирѣченскій почтовый трактъ, вы сразу переноситесь въ гоголевскія времена: тянутся безконечные обозы, скачутъ почтовые тройки, „проѣзжающіе“ дѣлятся на ранги: по частной надобности, по казенной надобности, по особому предписанію, по **ВЫСОЧАЙШЕМУ** повелѣнію, и всѣ они сражаются съ станционными смотрителями, переименованными только въ старосты, за право получить лошадей. Понятно, что гужевое колесное сообщеніе не могло вытѣснить ходящихъ здѣсь съ незапамятныхъ временъ каравановъ, и вы видите, какъ по той же почтовой дорогѣ подвигаются вереницы мѣрно покачиваю-

щихся верблюдовъ, предводимыя маленькими осликами — поводырями.

Понятно, что масса продуктовъ Семирѣчья не выдерживаетъ дороговизны гужевой перевозки и поступаетъ только на мѣстный, весьма ограниченный рынокъ. Запросы его и опредѣляютъ размѣры и характеръ производства. Въ самомъ дѣлѣ, какой смыслъ заниматься винограденничествомъ, садоводствомъ, табаководствомъ и т. п., когда невозможно вывести продуктовъ этихъ отраслей хозяйства, а на мѣстѣ они спрашиваются въ ничтожномъ количествѣ. По той же причинѣ не могутъ развиваться въ краѣ ни горное дѣло, ни обрабатывающая промышленность. И существующее полунатуральное, отсталое хозяйство казаковъ и крестьянъ Семирѣчья вполне соотвѣтствуетъ условіямъ рынка.

Конечно, и теперь можно было бы, до извѣстной степени, раздвинуть рамки рынка, ввести новыя отрасли хозяйства, но это уже требуетъ инициативы, риска и капитала. И здѣсь мы наталкиваемся на третье препятствіе экономическому развитію области, на отсутствіе частной собственности на землю. За исключеніемъ надѣльной земли казаковъ и крестьянъ, вся земля—государственная, находящаяся въ безсрочномъ пользованіи киргизъ. Последніе имѣютъ право только сдавать ее въ аренду, при чемъ каждый арендный договоръ восходитъ на утвержденіе Областного Правленія, право же отчужденія киргизской земли принадлежитъ только государству. Можно привѣтствовать такую охрану киргизскихъ земель отъ расхищенія, но этому нисколько не противорѣчила бы продажа въ собственность особо заготовленныхъ переселенческихъ участковъ съ обязательствомъ со стороны покупателей вести на нихъ культурное хозяйство. Теперь же предприимчивыя и обладающія нужнымъ капиталомъ люди не могутъ вложить его въ землю, такъ какъ единственная возможность получить къ ней доступъ, это—заключить сдѣлку съ киргизами, не имѣя никакой увѣренности въ ея прочности.

Изъ вышеизложеннаго не трудно сдѣлать выводы объ условіяхъ, необходимыхъ для успѣшной русской колонизаціи Семирѣчья. Необходимо соединить этотъ край желѣзно-дорож. линіей съ остальной Россіей. Это одно уже создастъ здѣсь новыя

отрасли производства, сообразно естественнымъ условіямъ края, а земледѣліе направить на болѣе цѣнныя культуры. Въ области земельныхъ отношеній необходимо землеустройство туземцевъ и старожиловъ и продажа земли въ собственность предприимчивымъ хозяевамъ. Осуществленіе этихъ двухъ условій несомнѣнно вызоветъ приливъ въ область капиталовъ и меліорацію земель, которая здѣсь сводится къ искусственному прошенію, частными предпринимателями.

Но и за всѣмъ тѣмъ останется массовое переселеніе крестьянъ, рассчитывающихъ на даровую землю. Фондъ для такого переселенія можетъ быть значительно увеличенъ лишь орошеніемъ новыхъ площадей, а это требуетъ времени и затраты со стороны государства большихъ средствъ. Однако, и теперь есть возможность использовать неорошенные степи подъ переселеніе овцеводовъ. Овцеводство на югѣ Россіи и на Кавказѣ переживаетъ кризисъ вслѣдствіе распашки земель и дороговизны пастбищъ. Овцеводы давно уже ищутъ возможности перенести свое хозяйство въ азіатскія степи. Въ послѣдніе годы (1909—1910) появились овцеводы съ Сѣвернаго Кавказа въ Сыръ-Дарьинской области, по сосѣдству съ Семирѣчьемъ, и въ самомъ Семирѣчьи. Этому движенію слѣдуетъ пойти на встрѣчу, такъ какъ развитіе тонкоруннаго овцеводства въ краѣ даетъ возможность, при сочетаніи скотоводства съ земледѣліемъ, использовать все разнообразіе его естественныхъ условій.

Этими общими указаніями на условія колонизаціи Семирѣчья я пока и ограничиваюсь.

П. Румянцевъ.

**НЕ ПРИПИСАННЫЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ ВЪ ТОМСКОЙ ГУБЕРНІИ
въ 1909 году.**

1-го декабря 1909 года волостными и сельскими властями произведена была однодневная перепись всѣхъ не приписанныхъ переселенцевъ, проживающихъ въ Томской губерніи.

Въ программу переписи включены были вопросы:

- 1) о количествѣ семействъ и душъ не приписанныхъ переселенцевъ;
- 2) о времени и мѣстѣ ихъ выхода;
- 3) объ экономическомъ положеніи на мѣстѣ жительства въ настоящее время, и
- 4) о расчетахъ и намѣреніяхъ переселенцевъ относительно своего устройства въ будущемъ.

Собранный матеріалъ разрабатывался въ статистическомъ отдѣлѣ Томской переселенческой организаціи.

По даннымъ переписи, не приписанныхъ переселенцевъ на 1-е декабря 1909 года оказалось въ Томской губерніи 80.746 семействъ съ 454.142 душами обоого пола, считая въ томъ числѣ 237.652 души мужск. пола и 216.490 душъ жен. пола.

Количество не приписанныхъ переселенцевъ и распредѣленіе ихъ по уѣздамъ.

По отдѣльнымъ уѣздамъ это почти полумилліонное населеніе распредѣляется такъ:

Названіе уѣздовъ.	Количество семействъ.	% къ общему числу семействъ въ губерніи.	Количество душъ муж. пола.	Количество душъ жен. скаго пола.	Всего душъ.	
Барнаульскій	57.498	71,2	170.948	156.033	326.981	
Змѣиногорскій	8.556	10,6	27.154	24.220	51.374	
Кузнецкій	4.912	6,1	13.548	12.493	26.041	
Бійскій	3.113	3,8	8.456	8.017	16.473	
Томскій {	Кабинетскія	2.475	3,1	5.895	5.287	11.182
	Казенныя	1.072	1,3	3.105	2.830	5.935
Каинскій	2.022	2,5	5.526	4.969	10.495	
Маринскій	1.098	1,4	3.020	2.641	5.661	
Итого	80.746	100	237.652	216.490	454.142	